

**Всероссийская олимпиада школьников в РС(Я)
по предмету «Литература»
Муниципальный этап**

11 класс

Задание 1. Аналитическое задание

Проведите целостный анализ текста – прозаического ИЛИ поэтического (выбор типа текста – право участника олимпиады):

Проза: Выполните целостный анализ рассказа **А. Геласимова «Дьокуускай»**, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации:

- пространственно-временные отношения;
- система образов и мотивов;
- значение авторской позиции.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

А. Геласимов. Дьокуускай

Не спрашивая адреса, водитель тронул свой «ГАЗ-24» с места, и, постукивая колесами, как поезд на стыках, «Волга» медленно покатила вокруг площади. Филиппов ещё помнил это постукивание. Если автомобиль в холода долго стоял на месте, нижняя часть колес дубела и принимала форму прямоугольника, а потом ещё некоторое время не могла вернуться в свое круглое состояние. От этого в городе, который в принципе не знал железной дороги, зимой то и дело все-таки раздавался веселый перестук.

Пять зимних месяцев северяне пользуются машинами в своем крошечном городе лишь для того, чтобы проскочить от дома до места работы. Автомобиль обычно оставляется где-нибудь в чужом дворе, и к вечеру уставший, но счастливый хозяин возвращается домой практически на квадратных колесах. Двигатель при этом не глушится целый день. Любой северянин знает, что заглохший в декабре на морозе мотор завести можно будет не раньше середины марта. При хорошем раскладе.

Филиппов смотрел в окно.

В туманных сумерках он пытался разглядеть родной город. Туши панельных домов на сваях подступали к проезжей части, как огромные динозавры на маленьких ножках. Казалось, ещё немного стемнеет — и они разбредутся, потеряв интерес к ползущим в тумане машинкам. Очевидно для утепления панельные стыки на всех домах были теперь жирно залиты грязно-желтой пеной, и это клетчатое уродство окончательно создавало атмосферу фантастического фрик-шоу. Между безликими мастодонтами вечной мерзлоты все еще попадались двухэтажные застройки сталинского типа. Карлики неудачно копировали жуткую московскую архитектуру тридцатых-пятидесятых годов, горделиво выпячивали свои дурацкие эркеры и башенки, по старой памяти прикидываясь лихими энкэвэдэшниками в надвинутой на глаза фуражке с лакированным козырьком. Панельные монстры, одетые глупо и «по

гражданке», косились на них, поджимали то ли от холода, то ли от страха свои жидкие лапки, смиренно моргали белесыми глупыми окнами. Отдельно от хищников и травоядных на центральном проспекте стояли распальцованные кредитно-финансовые учреждения, а также офисы алмазных и золотодобывающих компаний. «Лексусы», «крузаки» и «мерины» у мраморных лестниц говорили о том, что тут все было хорошо. Прошлые обиды никого здесь не волновали. Сталин, коммунизм, ГУЛАГ, Первомай, пятилетки — здесь все это было по барабану. Вокруг дорогих машин роились толстоморденькиечувачки с папками, в распахнутых дубленках, и, несмотря на дубак, в очень легких ботинках.

«Не мой город», — подумал Филиппов.

— Давай на Губина, — сказал он вслух.

— Зачем?

Филиппов ничего не ответил. На улице Губина была самая длинная в городе теплотрасса. Точнее, там проходил самый длинный прямой отрезок теплосети. Широченные трубы, по которым легко можно было ходить, а при желании — даже ездить на велосипеде, тянулись вдоль улицы, никуда не сворачивая, добрых три километра. С одной стороны от затянутых в алюминий труб лежала убогая улочка с двухэтажными барачного типа домишками, мимо которых Филя когда-то каждый день тащился в свою среднюю школу. С другой — вытянулось такое же длинное то ли болото, то ли общегородская свалка с водой. Летом этот «водоем» затягивало северным подобием камышей, и ржавые рамы от старых велосипедов, допотопные детские коляски, какие-то ящики, старые аккумуляторы — вообще все, что переставало быть нужным неприхотливым северянам, — все это исчезало в блеклой невысокой траве, а по осени крепко вмерзало в общий пейзаж, превращая его в картинку из футуристического романа о планете после глобального ядерного удара.

Теплотрасса на улице Губина играла тогда в жизни Филиппова ни с чем не сравнимую роль. Как для его любимых героев Ремарка, Миллера и Хемингуэя парижские кафе далеко не всегда были тем местом, куда приходят, чтобы поесть, так и для персонажей местных, никем не написанных, но все же очень захватывающих романов эти три километра огромных труб служили не только частью отопительной системы города. У труб собирались, по трубам гуляли, на трубах курили, под трубами разбирались, об трубы напрочь разбивали друг другу сердца. Филиппов не оказался в этом смысле никаким исключением и тоже понес тут свои скромные, но по тем временам чувствительные потери. Заглядевшись однажды на давно знакомую девочку в красной куртке, которая совершенно не хотела смотреть в ответ, он оступился и улетел с двухметровой высоты в сухой ольшаник. Ключица быстро срослась, шрамы и царапины затянулись, но девочке он этот полет запомнил надолго.

Много лет спустя, включив телевизор в своем двухкомнатном люксе берлинской гостиницы, он увидел ее в репортаже CNN. Израильская армия тем летом из-за двух своих захваченных солдат вторглась в Ливан, а девочка в красной куртке оказалась в числе тех иностранных граждан, которых в срочном порядке эвакуировали из Бейрута. Филиппов, так и не сняв плащ, стоял посреди номера, смотрел на ее полузабытое лицо и слушал ее сбивчивую, взволнованную речь о том, что она никуда не поедет, что здесь ее дом, ее семья, ее дети, и что она предпочтет умереть вместе с ними в лагере для беженцев, но

не покинет свою новую родину. Говоря все это, она хваталась беспрестанно за микрофон, который дрожал в кадре, тянула его на себя, как будто хотела говорить еще и еще, успевала при этом стирать с лица то ли пыль, то ли слезы, но загоревший, белозубый, бесконечно участливый репортер жестко контролировал ситуацию, и она в конце концов уступила — разжала грязные пальцы и отпустила его драгоценное хозяйство с тремя красными буквами. Американец спросил, достаточно ли питьевой воды в лагере, но она уже не отвечала. Камера двинулась вправо, и в кадре появился арабский пацан лет пяти с перевязанной рукой. Он как суслик неподвижно стоял посреди каких-то развалин, разглядывая американскую съемочную группу.

Все это было очень по-русски, по-женски и по-некрасовски, а потому Филиппова не тронуло ни на грамм.

— А не надо было выходить за араба, — подытожил он тогда и выключил телевизор.

Некрасова с его монотонным, унылым и трудным <...> человеколюбием он просто не выносил.

Потом, уже поздно вечером в одном из баров района Фридрихсхайм, куда их шумная и к тому моменту изрядно пьяная компания забрела после пяти или шести точно таких же баров, он вспомнил, как встретил однажды в Израиле на своей премьере бывшую одноклассницу той самой девочки в красной куртке, и они даже разговорились, и вспоминали про девочку, а горбоносая ее одноклассница хвасталась каким-то высоким военным званием. Сидя на хлипком табурете у стойки берлинского бара, Филиппов представил, как эти две бывшие комсомолочки из глухой приполярной дыры встречаются в знойных библейских местах и начинают мутузить друг дружку — одна во славу Аллаха, а другая во главе танкового батальона. Узрев эту картину, он ужасно развеселился и всю ночь потом приставал к своим приятелям немцам с предложением выпить за *der Gro Berussische Schriftsteller Lew Nikolajewitsch Graf Tolstoi*.

— Ну и чего стоим? — спросил Филиппов у таксиста, глядя из окна прокуренной «Волги» на допотопный кинотеатр «Центральный».

Раньше он, кстати, совершенно не замечал, что это здание, построенное очевидно еще в сороковых годах, сильно напоминало египетский храм. Во всяком случае, фасад его был так же характерно квадратен, а крохотная низкая дверца ровно посередине массивного портала намекала на узкий проход в какие-то доисторические глубины. Боковые вертикальные плоскости, как и в Египте, были покрыты рисунками из жизни древнего человека. Птицеголовых богов и фараонов среди этих изображений, правда, не затесалось, но простых птиц, лошадок, солнышек, стрелков из лука и каких-то оленезайцев хватало. Длинные ушки оленей действительно роднили их с отрядом зайцеобразных, однако в соседстве с озабоченными вампирчиками из тягоматных и бесконечных «Сумерек», которые чувственно скалили свои клычки со свисавших с фронтона заиндевевших киноплакатов, эти кролики с оленьими тушами выглядели не то чтобы совсем уж нелепо. Такое природа все-таки могла себе позволить.

— Слушай, а почему он не на сваях? — спросил Филиппов, не замечая, что таксист никак не отреагировал на его предыдущий вопрос. — Как он стоит?

— Кто?

Водила тяжело завозился на заскрипевшем сиденье и выудил откуда-то из своих недр новую сигарету.

— Кинотеатр, кто еще. Смотри, нету ведь свай. Неужели они в мерзлоте смогли фундамент построить?

— Ну и чо?

— Да ничо. Как они котлован копали?

— Я-то откуда знаю? — пожал плечами таксист.

— Ладно, поехали, — сказал Филиппов через секунду. — Хорош стоять.

ИЛИ

Поэзия: выполните целостный анализ стихотворения **Б. Пастернака «Так начинают. Года в два...»**, приняв во внимание следующие его аспекты: мысли и чувства лирического героя, поэтический синтаксис, особенности лексики, особенности рифмы, система изобразительно-выразительных средств.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Б. Пастернак. Так начинают. Года в два...

Так начинают. Года в два
От мамки рвутся в тьму мелодий,
Щебечут, свищут, — а слова
Являются о третьем годе.

Так начинают понимать.
И в шуме пущенной турбины
Мерещится, что мать — не мать.
Что ты — не ты, что дом — чужбина.

Что делать страшной красоте,
Присевшей на скамью сирени,
Когда и впрямь не красть детей?
Так возникают подозренья.

Так зреют страхи. Как он даст
Звезде превысить досяганье,
Когда он — Фауст, когда — фантаст?
Так начинаются цыгане.

Так открываются, паря
Поверх плетней, где быть домам бы,
Внезапные, как вздох, моря.
Так будут начинаться ямбы.

Так ночи летние, ничком
Упав в овсы с мольбой: исполнься,
Грозят заре твоим зрачком,
Так затевают ссоры с солнцем.

Так начинают жить стихом.
1921

Задание 2. Творческое задание

Пиктограмма – знак, отображающий важнейшие узнаваемые черты объекта, предмета или явления, на которые он указывает, чаще всего в схематическом виде.

Ваша задача – придумать всплывающие подсказки, которые помогут пользователям соцсетей правильно понимать значение представленных пиктограмм. Подсказками должны являться цитаты из литературных произведений, например, строчки из стихотворений или крылатые фразы из прозы.

Ответ нужно оформить следующим образом: указать номер картинки, дать короткое пояснение с вашим пониманием её смысла, привести соответствующую литературную цитату и указать автора и произведение, откуда она взята. Опишите 3 пиктограммы из 6 предложенных.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

